

УДК 94(47).05

В.В. Заплетин*

ОБ ИДЕОЛОГИЧЕСКОЙ ФУНКЦИИ «ОТКРЫТОГО ПИСЬМА» ДЕСЯТНИКА В. ЗОРИНА В СОБЫТИЯХ СТРЕЛЕЦКОГО ВОССТАНИЯ 1698 Г.

В статье исследуется вопрос об идеологической функции «черной челобитной Петру I» В. Зорина в событиях стрелецкого восстания 1698 г. Автор обосновывает гипотезу о принадлежности «черной челобитной» к публицистической жанровой форме характерного для конца XVII в. «открытого письма», наиболее часто используемого в этот период исторического времени в качестве инструмента идеологической борьбы для отображения «идейного состояния умов» и открытого внушения общественно-политических идей большим массовым аудиториям. Приводятся документальные факты и аргументы, подтверждающие намерение десятичника В. Зорина создать «бунташный» манифест как идеологическую основу стрелецкого противостояния Петровским реформам, ставящим под угрозу узкогрупповой интерес стрелецкого войска.

Ключевые слова: синкретизм публицистики XVII в., восстание стрельцов 1698 г., «черная челобитная Петру I», «открытое письмо», идеологическая функция, идеологическая подоплека.

В историко-идеологической интерпретации событий стрелецкого восстания 1698 г. наиболее существенное значение имеют документы розыска, состоявшегося сразу же после подавления мятежа в июне 1698 г., затем в Преображенском приказе в сентябре-октябре 1698 г. и продолжившегося в январе 1699 г. и январе 1700 г. [1, с. 363–414; 2]. Предметом нашего рассмотрения является специфическая роль документа, известного под названием «Челобитная московских стрельцов Петру I с жалобами на тяжесть службы и просьбами об облегчении положения» – «черная челобитная Петру I» десятичника В. Зорина [2, с. 39–40]. Цель исследования – выявить аргументы, подтверждающие или опровергающие идеологическую функцию упомянутого документа в создании идеологической подоплеку стрелецкого восстания 1698 г. В качестве рабочей гипотезы выдвигается тезис о принадлежности «черной челобитной Петру I» к публицистической жанровой форме характерного для конца XVII в. «открытого письма», а следовательно, об исполнении документом функции идеологического оформления движения.

В целях логического обоснования гипотезы уточним значение публицистики в политической жизни общества, совершив краткий экскурс в вопросы ее истории и теории. Применительно к рассматриваемому историческому периоду – второй половине XVII в. – феномен публицистики ранее подробно анализировался А.С. Елеонской [3]. Она отмечала, что в данном виде творчества

находит отражение как сама история конкретного этапа развития общества, так и основные его идеи. Отобразив насущные потребности и запросы общества на фактологическом уровне, публицистика формирует идеи своего времени и одновременно способствует распространению этих идей в самых широких слоях и на различных уровнях массового сознания. На эту особенность публицистики в разное время указывали писатели, историки, теоретики и практики политического процесса в России: Н.Г. Чернышевский, Г.В. Плеханов, А.М. Горький, В.И. Ленин и др. В рамках давно идущей полемики российские исследователи публицистики (М.С. Черепанов, Д.М. Прилюк, Е.П. Прохоров, В.В. Ученова, Д.С. Лихачев и др.), разнясь в деталях аргументации, достаточно единодушно трактуют публицистику как вид творчества, характерного для политической сферы человеческой деятельности, и определяют ее предмет как «непосредственное политическое постижение действительности, ее осмысление в свете насущных задач своего времени – всегда со строго определенной позиции» [4, с. 32]. Публицистика, агитируя и пропагандируя, воздействует на различные уровни массового сознания, обеспечивая тем самым «организацию мыслей, чувств, установок аудитории» [4, с. 32, 34, 63], формирует психологию и идеологию широких масс [5, с. 99]. Весьма точное в этой связи, на наш взгляд, замечание делает В.В. Ученова, обращая внимание на то обстоятельство, что публицистика как совокупность актуальных политических текстов обеспечи-

* © Заплетин В.В., 2017

Заплетин Владимир Владимирович (v.zapletin@yandex.ru), кафедра российской истории, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, 443086, Российская Федерация, г. Самара, Московское шоссе, 34.

вает оперативное документально-эмоциональное отражение политических процессов для массового распространения [6, с. 73–74]. Исследователи публицистического творчества в Древней Руси отмечают особенность его формирования в русле синкретизма («синтетизма»), характерного для русской литературы в целом (А.Н. Робинсон, Я.С. Лурье и др.). Таковы были летописи и вся совокупность исторической беллетристики. В условиях синкретизма возникают произведения, призванные обеспечить оперативное воздействие и внушение в открытой форме общественно-политических идей большим аудиториям читателей. Прежде всего речь идет об эпистолярных произведениях и деловых бумагах, в которых через обращение одного человека к другому ставились в острой и эмоциональной форме большие социальные проблемы [7, с. 55]. Исследуя период XV–XVI вв., Я.С. Лурье отмечает такую важную характерную черту публицистических произведений, как отражение острейшей идеологической борьбы своего времени. В частности, это явно просматривается на примере пасторских посланий Иосифа Волоцкого, а также различного рода грамот, «отписок» и др. [8, с. 506].

В период становления абсолютизма и обострения классовой борьбы во второй половине XVII в. роль эпистолярного жанра и различных форм древнерусской письменности, служащих «деловым потребностям», — писем, посланий, грамот, челобитных, прошений, «отписок» — как выразителей «идейного состояния умов» и чаяний народных существенно возрастает. В первую очередь это относится к документам, обращенным непосредственно к царю, который являлся для огромной массы подданных олицетворением патерналистского государства, богопомазанником. В этой связи «черная челобитная Петру I» В. Зорина, составленная накануне стрелецкого бунта 1698 г., представляет несомненный интерес как документ, который отобразил идейный настрой значительной части служивых людей в конце XVII в. — московских стрельцов. Обращаясь к ранее рассмотренным и привлекая дополнительные исторические факты, попытаемся определить объективную роль этого документа, а также то значение, которое придавал или мог придавать ему и сам составитель — десятник Ф. Колзакова полка В. Зорин, в создании идеологической подоплеки стрелецкого восстания 1698 г. Предпримем попытку найти аргументы, подтверждающие принадлежность «черной челобитной Петру I» к «открытому письму» и жанру публицистики.

Отметим, что ранее нами предпринимался анализ формуляра «челобитной» В. Зорина в контексте предназначавшейся ему функциональной роли — обеспечения «деловой потребности» стрельцов в условиях начавшегося мятежа [9, с. 32–39]. Здесь полагаем, есть все основания по характерным признакам формуляра письма идентифици-

ровать этот исторический документ как «открытое письмо»: в «начальном протоколе» присутствуют инскрипция (обозначение адресата) и интитуляция (обозначение лица, от которого исходит документ), инвокация («богословие»); в «основной части» (наррации) подробно изложены обстоятельства дела, имеется преамбула, но нет «челобитья» — просьбы; в тексте документа нет указания места и времени (datum), а также удостоверительной части (субскрипции и сигнатуры); в заключении — благопожелании (аппрекации) вместо традиционных для челобитных «смилуйтесь», «пожалуйста» многозначно проставлено слово «Аминь». Имея формального адресата, который косвенно, завуалированно обличается, документ, по сути, обращен составителем к широкому кругу лиц вне реального намерения и возможности воздействовать на адресата. Ссылаясь на трактовку «открытого письма» Я.С. Лурье в анализе переписки Ивана Грозного с Курбским [10, с. 224], отметим, что рассматриваемый нами документ имеет основания быть отнесенным к разряду «открытых писем». В целях обстоятельного обоснования публицистической жанровой принадлежности «черной челобитной Петру I» приведем далее ряд фактов и аргументов.

«Черная челобитная» изначально была рассчитана на массовую аудиторию. Об этом свидетельствует сам В. Зорин на первом допросе 18 июня 1698 г.: «...подал ему писма и говорил, чтоб те писма прочесть в народе в большом полку для того, чтоб было умирения, а кровопролития б не было» [2, с. 45]. В показаниях В. Зорина и В. Игнатьева от 17 сентября 1698 г. находим признание о намерении разослать «челобитную»: «...им было итить к Москве в дома свои, и с той челобитной, написав розные челобитные, послать во все слободы для возмущения к бунту» [2, с. 71–72]. В показаниях К. Зайцева от 22 сентября 1698 г. и Петрушки Сальникова от 14 октября 1698 г. упоминается желание и намерение всех стрельцов четырех полков рассылать списки с «челобитной»: «...списав с нее списки, на Москве во все черные слободы для возмущения к бунту посылать хотели» [2, с. 103, 160].

Весьма важным является то обстоятельство, что В. Зорин при составлении «бунтовой челобитной» преследует, вероятнее всего, скорую цель поднять на мятеж вслед за стрельцами четырех полков солдат и московскую чернь, при этом в круге восставших стрельцы должны сохранить ведущую роль. Поэтому он стремится утвердить особую, привлекательную для массового сознания идеологическую миссию стрельцов: они должны выступить в роли «хранителей благочестия». Роль «хранителей благочестия» Зорин обосновывает якобы изначальным предназначением, исконным правом и служебным долгом стрельцов: «как крест целовали». Обращаясь к событиям 1682 г., он намеренно подтасовывает факты для того, чтобы

внедрить в массовое сознание мысль о том, что «хранить благочестие» стрельцам было вверено царским домом. На допросе 18 июня 1698 г. В. Зорин ссылается на царский указ 1682 г. о прощении стрельцов по возвращении из троцкого похода [2, с. 44], а по сути, на Царские жалованные грамоты, выданные в ноябре-декабре 1682 г. и январе 1683 г. [11, с. 252], но подменяет причины и смысл дарованного прощения. Действительный же факт состоит в том, что солдаты и стрельцы в жалованных грамотах получают прощение в ответ на покаяние за побиение бояр 15 мая 1682 г. В тексте Царских жалованных грамот нетрудно обнаружить строго предписанный перечень обязанностей стрельцов перед царским домом. Даруется стрельцам высокая милость и прощение «великих и тяжких вин», пощада и «от смерти свобода», а также право «служити и прямити и всякого добра хотети, и нашего государственного здаровья оберегать, и нашия государственная богот дарованные чести опасать со всякою верностию по своему обещанию, как они обещались пред святым христовым евангелием, без всякие измены и шатости...» [11, с. 200]. Зорин же долг стрельцов «государския богот дарованные чести опасать со всякою верностию» подменяет самовольно присвоенным правом «благочестию непременно служить» [2, с. 39], иными словами, хранить истинную в народном понимании христианскую веру и чинить препятствия иноземным немецким обычаям: «и брадобритию, и табаку» [2, с. 49]. Одновременно Зорин искажает и смысл царского наказа стрельцам: «...и быти им в нашем государственном повелении и во всяком обыклом повинении и послушании со всяким усердным покорением и чистым намерением...» [11, с. 200]. Умышленную подмену смысла вмененных стрельцам обязанностей и обязательств самих стрельцов доказывает и тот факт, что в тексте присяги стрельцов от 3 октября 1682 г., которая несколько позднее будет принесена ими в Успенском соборе в связи с окончанием стрельцкого возмущения по поводу казни Хованских, нет даже отдаленного упоминания ни в одной из одиннадцати статей об обязательствах стрельцов перед тронот «хранить веру и благочестие» [11, с. 104–106].

Создавая свою идеологическую конструкцию – миф о стрельцах как о верных слугах государевых и «хранителях благочестия», В. Зорин стремится обеспечить «незапятнанность» стрельцкого чина и перед государем, и перед полками и чернью московской. Ведь именно как обращение к последним и была задумана эта «челобитная» – «открытое письмо». В стремлении подтвердить верность стрельцов службе государевой Зорин умышленно прибегает ко лжи, придумывая намерения М.Г. Ромодановского «рубить стрельцкие полки» [2, с. 40]. Ложь эта имела цель не только оправ-

дать действия стрельцов перед государем в неповиновении приказу, но и устранить весьма возможные претензии к стрельцам со стороны ратных людей и черни.

Важным признаком принадлежности исторического документа к публицистике является наличие в его содержании полемики с идейным противником. Об этом, в частности, размышляет Я.С. Лурье, отмечая, что публицистические произведения отстаивают «ясно сформулированные политические и идеологические позиции» [12, с. 440]. Обличения могут быть как явными (прения), так и скрытыми. В «черной челобитной» В. Зорин, обвиняя, полемизирует скрыто со своим идейным противником, коим является Ф. Лефорт, олицетворяющий для стрельцов «немецкое засилье» земли русской – «испровержение веры и учинение благочестию великого препяттия», сопряженное со стремлением уничтожить «чин стрельцкий» как «хранителей благочестия». В начальном протоколе «черной челобитной» в инвокации Зорин противопоставляет стрельцов и народ христианский «всем языком» [2, с. 39], далее в наррации приводит подробный перечень преступлений еретика иноземца Лефорта под Азовом и Черкасским против стрельцов – «наследия христианского» свершенных, чтобы «благочестию великое препяттие учинить» [2, с. 39]. Для усиления противопоставления еретика иноземца приводит пример благих деяний в отношении стрельцов русского православного христианина боярина Алексея Семеновича Шеина [2, с. 39–40]. Здесь, на наш взгляд, просматривается логическая связь умозрительного настроения В. Зорина с духовным завещанием патриарха Иоакима от 17 марта 1690 г., в котором Иоаким завещает царствующему дому не ставить начальниками в «государских полках над служивыми людьми иноверцев», от которых нет помощи воинству православному, а «такмо гнев Божий наводят», тогда как в Российском царствии людей благочестивых и в ратном деле искусных премного будет [13, с. 474–475].

Всякое публицистическое произведение ориентируется на массовую психологию – эмоции, чувства, настроения, установки в большей или меньшей степени организованных больших и малых социальных групп. Намерение всколыхнуть эмоции, дестабилизировать массовые настроения и посеять панику в полной мере присутствует в «черной челобитной». Это и упоминание Зориным «великого строхования» в Московском государстве, «затворения городов», причинения всякой «наглости» московскому народу, а также грозящего окончательным ниспровержением благочестию прихода немцев в Москву и окончательного засилья немецких нравов и обычаев – «брадобрития и табака» [2, с. 40]. Выше отмечалось, что «черная челобитная» имеет весьма не свойственное чело-

битным завершение: в аппрекации «челобитной» прописано слово «Аминь». Однако для публично-го, имеющего идейно-идеологическое содержание послания в XVII в. это вполне логично. Подтверждением тому служит известное послание «кирилловских старцев». В «Ответе кирилловских старцев» Иосифу Волоцкому в конечном протоколе документа присутствует все то же слово «Аминь», а сам документ является свидетельством публичной полемики, в рамках которой обсуждается вопрос о правомерности и обоснованности наказания покаявшихся еретиков. По сути, упомянутый документ — идеологическая полемика в рамках церковной догматики [14, с. 250–253].

Существенным аргументом, подтверждающим обоснованность идентификации «черной челобитной Петру I» В. Зорина как «открытого письма» и его публицистичность, является формальная обращенность документа к Петру I. Формальное обращение к государю определило идеологическую завершенность «челобитной». Подчеркнуто благоговейное упоминание и безусловное признание в тексте документа высшей самодержавной воли, полагаем, по мысли автора, должно было обеспечить доверие народной массы к «челобитной», отсутствие сомнений в благих намерениях стрельцов и одновременно создавало начавшемуся бунту ореол служения царю-богопомазаннику. Упомянутое было важным условием поддержки протестного движения московской чернью без риска необходимости для стрельцов идеологического размежевания с ней. Вероятно, это обстоятельство хорошо понимал В. Зорин.

Обратимся еще к одной важной особенности исследуемого документа. Это приметная «литературность» стиля автора, которая, едва ли не в первую очередь, дает основания предполагать, что речь идет не о челобитной, а о публичном документе для массовой аудитории. В трудах М.М. Богословского десятник Ф. Колзакова полка Василий Андриянов Зорин характеризуется как старый стрелец, несомненно, один из идейных руководителей бунта, хорошо помнивший события 1682 г., тяжело переживавший события, в коих ему довелось участвовать, горестно размышляющий о переменах в нравах и порядках российских, ревнитель благочестия [15, с. 30]. Взявшись составлять «челобитную», В. Зорин, обнаружил литературный дар и склонность к книжным оборотам. Уже по характеру инвокации «черной челобитной» можно предположить, что автор документа мыслил и предполагал обращение к широкой аудитории, а не лишь к формально указанному адресату — Петру I. Это вновь подтверждает ранее сделанное предположение: не для челобитья документ был написан, но должен был исполнить функцию политическую — призвать к бунту. Здесь представляется важным уточнить и ту реальную роль, которая принадлежала в событиях начала мятежа де-

сятнику В. Зорину, а также ту роль, которую он готов был исполнить при удачном стечении обстоятельств в дальнейшем. На допросе 22 сентября 1698 г. Васька Игнатъев, ссылаясь на разговоры стрельцов на польской границе, подтверждает твердую решимость стрельцов идти на Москву: «...да они ж, стрельцы, говорили, что однолично иттить к Москве, хотя умереть, а один предел учинить» [15, с. 56]. При этом в этих разговорах, как показал В. Игнатъев, В. Зорин, памятуя свой опыт участия в бунте 1682 г., заявлял, что готов взять на себя руководство движением: «А Васька Зорин говорил: я де и в 90-м (1682) году все по обычаю своему управил, а и ныне де кроме меня такого пределу никто не сделает» [15, с. 56]. Таким образом, мысль о том, что Зорин претендовал на роль идеолога и руководителя движения не воспринимается как противоречивая и необоснованная, как в контексте конкретных обстоятельств возникновения «черной челобитной», так и в контексте содержания этого документа, составленного непосредственно В. Зориным.

Напомним интересный факт, подтверждающий, что у В. Зорина был и сугубо личный интерес проявить себя активным «зачинщиком» стрелецкого мятежа. При удачном стечении обстоятельств десятник Зорин мог по опыту прошлых «бунташных» выступлений попытаться вернуть утраченное. Нетрудно предположить, что при разжаловании из пятисотенных в десятки [2, с. 86] имущественное положение и служба Зорина усугубились. Вполне логично, что он мог вынашивать мысль о своем реванше. Поэтому у Зорина были особые претензии к Францу Лефорту за Азовскую кампанию: за приступ под Азовым посулено было Лефортом за службу примерную и денежное вознаграждение, и «повышение чином чести», а ни денег, ни чинов «не дано ево ж Францевым промыслом» [2, с. 70]. Зорин признает свою личную неприязнь к Лефорту и предпринятую в отношении к нему демагогию: «И те де все статьи, которые в той челобитной на него, генерала Франца, писал, затевая ж собою, для возмущению к бунту» [2, с. 70]. Успех восстания мог означать для Зорина продвижение в социальной иерархии. Подобного рода примеров в России XVII в. было немало [9, с. 36].

Приведенное обоснование гипотезы о принадлежности «черной челобитной Петру I» к публицистической жанровой форме характерного для конца XVII в. «открытого письма», на наш взгляд, позволяет прийти к выводу о хорошо продуманном стремлении десятника В. Зорина обеспечить идеологическую подоплеку стрелецкого восстания 1698 г. По сути, Зориным был подготовлен «бунташный» манифест. В документе нашли отражение имеющие определенное распространение в народе идеи об опасности для «испровержения веры и благочестия» засилья немецкого, а также

сформулированы идеи и политические цели стрельцов как социальной группы, имеющей свой узкогрупповой интерес. Эти идеи и цели основной массы стрелецкого войска — рядовых, десятников, пятидесятников, в меньшей степени сотенных и пятисотенных — формировались под влиянием великих тягот «цивилизационного пути России». Именно поэтому значительная часть стрельцов воспринимала реформы Петра I как угрозу своему благополучию и была готова поддержать дворцовые перевороты и правителей, признающих неизблемость «старых» порядков, а значит, и сохранение стрелецкого войска в составе Московского государства.

Библиографический список

1. Буганов В.И. Московские восстания конца XVII века. М.: Наука, 1969. 440 с.
2. Восстание московских стрельцов 1698 г. (Материалы следственного дела): сб. док. / [сост. А.Н. Казакевич, под ред. В.И. Буганова]. М.: Наука, 1980. 326 с.
3. Елеонская А.С. Русская публицистика второй половины XVII века. М.: Наука, 1978. 272 с.
4. Черепанов М.С. Проблемы теории публицистики. Изд. 2. М.: Мысль, 1973. 272 с.
5. Прохоров Е.П. Публицист и действительность. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1973. 317 с.
6. Ученова В.В. Исторические истоки современной публицистики: лекции по курсу «Теория и практика партийно-советской печати». М.: Изд-во Моск. ун-та, 1972. 75 с.
7. Прохоров Е.П. Эпистолярная публицистика: учеб.-метод. пособие. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1966. 60 с.
8. Лурье Я.С. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV — начала XVI века. М.; Л.: АН СССР, 1960. 528 с.
9. Заплетин В.В. «Открытое письмо» В. Зорина: проблема создания мифа о стрельцах // Самарский земский сборник. 2016. № 1 (26). С.32–39.
10. Лурье Я.С. Переписка Ивана Грозного с Курбским в общественной мысли Древней Руси // Переписка Ивана Грозного с Андреем Курбским [под ред. Д.С. Лихачева]. М.: Наука, 1993. 431 с.
11. Восстание в Москве 1682 г. Сборник документов. М.: Наука, 1976. 347 с.
12. Лурье Я.С. Судьба беллетристики в XVI в. / Я.С. Лурье // Истоки русской беллетристики. Возникновение жанров сюжетного повествования в древнерусской литературе. Л.: Наука, 1970. 599 с.
13. Устрялов Н.Г. История царствования Петра Великого. Т. 2. СПб.: Тип. II-го Отд. Собст. Е.И.В. Канцелярии, 1858. 582 с.
14. Казакова Н.А. Ответ кирилловских старцев // Вассиан Патрикеев и его сочинения: Исследования и тексты. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1960. 357 с.
15. Богословский М.М. Петр I. Материалы для биографии. Т. 3. Л.: ОГИЗ ГОСПОЛИТИЗДАТ, 1946. 502 с.

References

1. Buganov V.I. *Moskovskie vosstaniia kontsa XVII veka* [Moscow uprisings of the end of the XVII century]. M.: Nauka, 1969, 440 p. [in Russian].
2. *Vosstanie moskovskikh strel'tsov 1698 g. (Materialy sledstvennogo dela)*. *Sbornik dokum.* / [sost. A.N. Kazakevich, pod red. V.I. Buganova] [Moscow Streltsy Uprising of 1698 (Materials of the investigatory act). Collection of documents [Complier A.N. Kazakevich, V.I. Buganov (Ed.)]]. M.: Nauka, 1980, 326 p. [in Russian].
3. Eleonskaya A.S. *Russkaia publitsistika vtoroi poloviny XVII veka* [Russian journalism of the second half of the XVII century]. M.: Nauka, 1978, 272 p. [in Russian].
4. Cherepakhov M.S. *Problemy teorii publitsistiki*. Izd.2 [Problems of theory of journalism. Ed. 2]. M.: Mysl', 1973, 272 p. [in Russian].
5. Prokhorov E.P. *Publitsist i deistvitel'nost'* [Journalist and reality]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1973, 317 p. [in Russian].
6. Uchenova V.V. *Istoricheskie istoki sovremennoi publitsistiki: Leksii po kursu «Teoriia i praktika partiino-sovetskoj pechati»* [Historical origins of modern journalism. Lectures on the course «Theory and practice of party and Soviet press»]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1972, 75 p. [in Russian].
7. Prokhorov E.P. *Epistolarnaia publitsistika: Ucheb. — metod. posobie* [Epistolary journalism: study guide]. M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1966, 60 p. [in Russian].
8. Lurie Ya.S. *Ideologicheskaia bor'ba v russkoi publitsistike kontsa XV — nachala XVI veka* [Ideological fight in the Russian journalism of the end of the XV — beginning of the XVI century]. M.; L.: AN SSSR, 1960, 528 p. [in Russian].
9. Zapletin V.V. «*Otkrytoe pis'mo*» V. Zorina: *problema sozdaniia mifa o strel'tsakh* [«Open letter» of V. Zorin: problem of the creation of myth about Streltsy]. *Samarskii zemskii sbornik* [Samara county collection], 2016, no. 1 (26), pp. 32–39 [in Russian].
10. Lurie Ya.S. *Perepiska Ivana Groznogo s Kurbskim v obshchestvennoi mysli Drevnei Rusi* [Correspondence between Ivan the Terrible with Kurbsky in the social thinking of Ancient Rus]. In: *Perepiska Ivana Groznogo s Andreem Kurbskim* [pod. red. D.S. Likhacheva] [Correspondence between Ivan the Terrible and Andrey Kurbsky. D.S. Likhachev (Ed.)]. M.: Nauka, 1993, 431 p. [in Russian].
11. *Vosstanie v Moskve 1682 g. Sbornik dokumentov* [Uprising in Moscow in 1682. Collection of documents]. M.: Nauka, 1976, 347 p. [in Russian].
12. Lurie Ya.S. *Sud'ba belletristiki v XVI v.* [The fortune of fiction in the XVI century]. In: *Istoki russkoi belletristiki. Vozniknovenie zhanrov siuzhetnogo povestvovaniia v drevnerusskoi literature* [Origins of Russian fiction. The emergence of genres of narrative in the Old Russian literature]. L.: Nauka, 1970, 599 p. [in Russian].
13. Ustryalov N.G. *Istoriia tsarstvovaniia Petra Velikogo*. T. 2 [History of reign of Peter the Great. Vol. 2]. SPB.: Tip. II-go Otd. Sobst. E.I.V. Kantseliarii, 1858, 582 p. [in Russian].
14. Kazakova N.A. *Otvet kirillovskikh startsev* [Response of the Cyrillic elders]. In: *Vassian Patrikeev i ego sochineniia: Issledovaniia i teksty* [Vassian Patrikeev and his writings. Researches and texts]. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1960, 357 p. [in Russian].
15. Bogoslovsky M.M. *Petr I. Materialy dlia biografii*. T. 3 [Peter the Great. Materials for the biography. Vol. 3]. L.: OGIЗ GOSPOLITIZDAT, 1946, 502 p. [in Russian].

*V.V. Zapletin****ON IDEOLOGICAL FUNCTION OF THE «OPEN LETTER» OF THE SERGEANT V. ZORIN
IN THE EVENTS OF THE STRELTSY UPRISING OF 1698**

In the article the issue on ideological function of «black petition to Peter the Great» by V. Zorin in the heart of events of the Streltsy Uprising of 1698 is investigated. The authors prove the hypothesis on the implement of the «black petition» to the publicistic genre form characteristic for the end of the XVII century of an «open letter», more often used during that period of the historical time in the capacity of an instrument of ideological fight for the depiction of the «ideological frames of mind» and open infusion of sociopolitical ideas to large mass audiences. Documentary facts and arguments confirming the intention of the sergeant V. Zorin to create «rebellious» manifesto as an ideological basis of the Streltsy opposition to the reforms of Peter the Great that put at threat narrow group interest of the Streltsy troops are presented.

Key words: syncretism of journalism of the XVII century, Streltsy Uprising of 1698, «black petition to Peter the Great», «open letter», ideological function, ideological tinting.

Статья поступила в редакцию 22/1/2017.

The article received 22/1/2017.

* *Zapletin Vladimir Vladimirovich* (v.zapletin@yandex.ru), Department of Russian History, Samara National Research University, 34, Moskovskoye shosse, Samara, 443086, Russian Federation.